

Портрет

себя давними знакомыми, которых связывает много общего. И хотя их последующие встречи случались не часто, они всегда приносили им неподдельную радость. Для Таи, чья жизнь была до краев заполнена деловыми поездками, контрактами и переговорами, этот чех с его друзьями-художниками стал настоящим спасательным кругом, не дающим ей окончательно сгинуть в холодной пучине бизнеса. Конечно, его образ жизни был иным, чем у нее, но богемность, неизбежно присущая всем художникам, не казалась у Мирослава вычурно-нарочитой, но как-то мягко и естественно пронизывала его сущность. Казалось, он был связан глубокими, давними корнями со своей родной туманно-чувственной Богемией. Тая была в восторге от его работ, живо и тонко передающих многоплановые настроения окружающего мира. Со временем она определила для себя эту особенность его стиля как «предельную искренность». Казалось, этот молодой белобрысый чех никогда не фальшивил — ни в живописи, ни в жизни.

«Написать портрет...» — вспомнила Тая вечером, работая дома за компьютером. Как возникает такое желание? Наверное, он находит ее интересной. Тая улыбнулась. Портрет в его исполнении должен получиться чудесным! А что дальше? Оставит ли он его себе или отдаст ей? Ей хотелось бы одновременно, чтобы он был и у нее дома, и в его галерее — среди других картин, которыми каждый день любитесь столько людей! Она постаралась представить себе, как будет выглядеть на портрете, и сразу множество образов возникло в ее воображении: светская дама; спортивного вида путешественница; жительница Петербурга, влюбленная в свой город; европейская бизнес-леди — все это была она. Какой же образ выбрать для портрета? И в каком ракурсе лучше позировать — анфас или вполоборота? Пожалуй, вполоборота лучше. Тая открыла в компьютере файл с фотографиями и стала листать его, останавливаясь на наиболее удачных снимках. Прошлые события, города, люди проносились перед ней, как ускоренная киноплёнка — всё вроде бы давно, но вот уже кануло в Лету, ушло навсегда.

Листая страницы, Тая через некоторое время поймала себя на том, что испытывает какое-то смутное недовольство. Она постаралась понять причину. Фотографии были хорошие, получалась она, как правило, удачно — так что же? Она остановилась, полистала снимки назад, внимательно всматриваясь в них — и тут вдруг ей стало ясно, почему они

не нравятся ей: повсюду у нее было совершенно одинаковое выражение лица — вернее сказать, отсутствие всякого выражения. Легкая улыбка, эффектная поза — она вдруг напомнила себе растиражированный образ с какого-нибудь рекламного плаката. Рядом с ней на фотографиях находились разные люди — молодые и старые, веселые и хмурые — но у всех у них были живые лица, выражавшие настроения и чувства. И только она оставалась везде одинаково-статичной, ее темные глаза казались кукольно-безжизненными. «Как две пуговицы», — в ужасе подумала Тая.

От этого открытия ей стало не по себе. Она быстро встала и подошла к зеркалу. Ну нет, на манекен она не похожа: большие глаза смотрели из зеркала вполне живо — с тревогой и волнением. Тогда в чем же дело? Может, она просто получается так на снимках? Тая будто пыталась ухватить за кончик хвоста юркую рыбку — что-то важное крутилось в ее сознании, было совсем рядом, но могло выскользнуть, исчезнуть в любой момент.

Дом вдруг стал тесным для нее. Тая накинула плащ и вышла на улицу. Моросящий дождь размывал в вечернем сумраке силуэты тесно прижатых друг к другу средневековых домов, отчего их резные фронтоны казались грядой причудливо изрезанных холмов. В темной воде каналов яркими звездами покачивались огни фонарей. От канала веяло сыростью и холодом, Тая почувствовала внезапную дрожь.

«Наверное, внутри у меня — пустота, — подумала Тая — в этом все дело. Что я представляю собой? Если снять с себя, как одежду, работу, должность, повседневные дела — что тогда останется? Что? Пустой сосуд, потухший светильник... Мирослав поймет это, как только начнет писать мой портрет — от него ничего не утаишь. Одно дело — беседовать за чашкой кофе о том о сем, а другое — заглянуть в душу». Ей представилось, как Мирослав, начав ее портрет, вдруг остановится на минуту в задумчивости, пристально взглянет на нее, и легкая тень пробежит по его лицу...

Она шла вдоль канала в сгущающейся темноте, и в какой-то миг ей показалось, что она у себя дома, в Петербурге, идет по набережной Мойки. Ей вспомнился Русский музей, куда они, бывало, захаживали с мамой. От некоторых портретов невозможно было

оторваться — что за необычные, красивые люди смотрели с них! — с яркими характерами, выразительными взглядами умных глаз, благородными лицами. Таких Тая не встречала в современной жизни — ни в Петербурге, ни в Европе. Там были личности, здесь — обычные люди. Личности... А что это вообще такое — «личность»? Ей вспомнился университетский курс психологии, что-то насчет самосознания, индивидуальных черт характера и привычек. Но всё это и прежде не давало ответа на мучившие ее вопросы. Допустим, с характером и привычками все понятно, а самосознание — что это? Система убеждений, с которой ты накрепко спаян? Четкий вектор жизни? Тая растерялась: не то что о системе — вообще о своих убеждениях она редко задумывалась, просто проживала каждый день со всеми его хлопотами и заботами. Тае стало от этой мысли неуютно. Она даже поехала от внутреннего озноба. Захотелось нырнуть в теплое детство, укрыться от ответственности, начать все сначала.

«Но если я об этом не думала, это не значит, что у меня нет убеждений, — успокоила она себя. — Ведь убеждена я, к примеру, что нельзя делать другим зла, обманывать, унижать. Надо помогать друзьям, близким, проявлять любовь. Мама называла это «христианские ценности», — вспомнила она. Но ведь убеждения — это не просто мысли, а спроецированный ими образ жизни. Человек должен защищать свои убеждения даже ценой собственной жизни — готова ли она к этому? Тая не находила ответа. Ее жизнь в Голландии была устроенной и благополучной, и за все восемь лет, проведенных здесь, ей ни разу не представился

случай испытать себя, заглянуть в свои глубины. Каждый день она ходила на работу, добросовестно продвигая вверенные ей проекты; в выходные, если не было командировок, садилась в машину и ехала осматривать очередной голландский город; порой встречалась с приятелями в каком-нибудь очередном брюн-кафе, потемневшем со временем от табачного дыма и людских пересудов; иногда выезжала на море... Ровный, спокойный образ жизни. Она была вполне самодостаточна и не тяготилась своим одиночеством, скорее наоборот — дорожила им. И всегда думала, что у нее всё в порядке. А тут вдруг оказалось, что чего-то очень важного не хватает в ее жизни, организованной и рассчитанной по часам и минутам.

удобной для жизни стране — холодной, чужой стране. Возможно, то же испытывают и ее друзья?

«Вернусь из Гронингена — созову гостей, приглашу Мирослава, — решила она. — Накрою стол на террасе, расставлю в вазах цветы. Будем сидеть, разговаривать, слушать музыку, смеяться и немного грустить... И наша беседа, подобно золотому пчелиному рою, будет медленно подниматься ввысь, прорывая облака, давая ход солнечному свету, который прольется на террасу, заполнив все пространство, бросив на пол узорчатые коврики, играя бликами на вазах и чашках, отбеливая и без того белоснежные салфетки и стулья... И будет всем так радостно и хорошо, что не захочется расставаться. И у всех будут такие прекрасные лица!».

Тая задумалась: а что она, собственно, знает об окружающих ее людях? О Мирославе, с которым вот уже полгода пьет кофе и ведет светские беседы? — да толком ничего. Талантливый художник, родители которого в свое время выехали из Праги, от тоталитарного режима. Вот у них-то точно были твердые убеждения... Мирослав — приятный парень... Почему у неё никогда не хватало времени внимательно выслушать его, узнать, чем он живет, спросить, не нужна ли ему ее помощь? Людям свободным профессией порой приходится совсем непросто...

Тая остановилась на небольшом каменном мосту, перекинутом через канал. Сырая ночь накрыла угмонившийся город, и только дождь шуршал, не переставая, усердно полируя блестящие булыжники бугристых мостовых. Она стояла в задумчивости, засунув руки в карманы плаща, глядя на мрачные силуэты онемевших зданий, вплотную подступающих к воде. Сколько людей прошло за минувшие столетия по этому мосту, мимо этих домов, неся в себе свои радости, горести, заботы! Вот и ее мысли отпечатаются на этих камнях, и когда-нибудь, через много лет, она вернется сюда и прочтает их снова... Ей стало вдруг нестерпимо одиноко. Захотелось увидеть хоть какого-то прохожего, окликнуть его, перекинуться парой слов — но вокруг не было ни души, лишь лодки покачивались внизу в темноте, глухо ударяясь бортами. Стоя на мосту и слушая невнятное бормотание дождя, она впервые за долгие годы почувствовала вдруг свою неприютность в этой ухоженной, энергичной,